

И. Г. Федорова
Уфа, Россия

I. G. Fedorova
Ufa, Russia

**«ДЕФЕКТИВНЫЙ» ДИАЛОГ
КАК ХАРАКТЕРИСТИКА
АМЕРИКАНСКОГО СВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА
В РОМАНЕ Э.УОРТОН «ВЕК НЕВИННОСТИ»**

**THE “DEFECTIVE” DIALOGUE
AS THE CHARACTERISTICS
OF THE AMERICAN SOCIETY IN WHARTON’S
NOVEL “THE AGE OF INNOCENCE”**

Аннотация. Анализируется психологическое мастерство Э. Уортон. В романе «Век невинности» нет прямых характеристик, автор широко использует подтекст на уровне имен, интерьерных описаний, ключевых слов и прямой речи. Функция подтекста рассмотрена на примере диалога между главным героем романа и его невестой, отношения между которыми полностью строились на подтексте.

Abstract. The article is devoted to the psychological skill of E. Wharton. The novel “Age of innocence” doesn’t contain direct characteristics, the author widely uses the subtext on the level of names, interior descriptions, key words and direct speech. The function of the subtext is regarded through the dialogue between the main character of the novel and his fiancée, whose relationship were completely based on the subtext.

Ключевые слова: литературный психологизм; подтекст; американская литература; Уортон; светское общество; прямая речь.

Key words: literary psychologism; subtext; American literature; Wharton; Society; direct speech.

Сведения об авторе: Федорова Инна Германовна, преподаватель английского языка Башкирского строительного колледжа; аспирант кафедры романо-германского языкознания, зарубежной литературы и страноведения, Институт филологического образования и межкультурной коммуникации.

About the author: Fedorova Inna Germanovna, Teacher of English at the Bashkir College of Construction; Post-graduate Student of the Chair of the Romano-Germanic Linguistics, Foreign Literature and Country-study of the Institute of Philological Education and Inter-cultural Communication.

Место работы: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.

Place of employment: Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla.

Контактная информация: 450000, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а.
e-mail: innfed@rambler.ru.

Роман «Век невинности» был написан Э. Уортон в 1920 г. и явился одной из вершин ее творчества. Несмотря на кажущуюся незатейливость сюжета, роман по праву можно отнести к лучшим произведениям психологической прозы рубежа XIX—XX вв. Психологизм Э. Уортон — не аналитический, объясняющий, как, например, у Л. Толстого. Не будучи знакомой с творчеством А. Чехова и задолго до расцвета творчества Э. Хэмингуэя, Э. Уортон использует подтекст. В романе «Век невинности» нет прямых характеристик, автор вкладывает в подтекст основную информацию, и читателю предстоит распутывать сложные взаимоотношения основных персонажей романа. Писательница использует синтез, т. е. такую организацию художественного повествования, при которой психологическое состояние персонажа, причины действия, причины отдельных поступков не анализируются непосредственно в тексте, а лишь имплицитно, ничего не теряя в достоверности. Психологический подтекст обнаруживает подлинны мысли чувства героев, прикрываемые этикетными фразами светского диалога.

Для создания подтекста автору необходимо максимально точно подобрать «пусковые механизмы» читательского восприятия — слова, способные вызывать в сознании определенные образы, модели, целые культурные традиции. Уортон широко использует подтекст на уровне имен, интерьерных описаний, ключевых слов и прямой речи персонажей. Используя привычный инструмент психологических романов, она добивается неожиданных результатов, привнося в психологический анализ нечто новое, оригинальное.

Действие романа происходит в 1870-х гг. в высших кругах светского общества Нью-Йорка, чья размеренная жизнь нарушается возвращением из Европы их соотечественницы Эллен Оленской, бежавшей от грубого и вульгарного супруга. Молодой человек по имени Ньюланд Арчер, жених двоюродной сестры Эллен Мэй Велланд, влюбляется в Эллен, между ними вспыхивает взаимное чувство, но высшее общество делает все, чтобы их роман не состоялся, и Ньюланд женится на нелюбимой Мэй, а Эллен буквально изгоняется обществом обратно в Европу, теперь уже навсегда.

Светское общество Нью-Йорка — один из любимых собирательных «персонажей» Уортон, потому что большая часть ее собственных воспоминаний связана с Нью-Йорком, в котором она выросла. В этом обществе все определяли избранные семейства с давними традициями, вокруг которых в строгом иерархическом порядке, согласно родословной и финансовому положению, выстраивалась элита. Автор подробно описывает их образ жизни, который строился по аналогии с жизнью английского нового дворянства, их будни и досуг. Это закрытый кружок со своими правилами, которые Э. Уортон называет «миром иероглифов», в котором никто никогда не говорит правды, а все реальные вещи представлены условными знаками. Именно поэтому автор вместо прямых характеристик персонажей, описаний их нравов, мыслей и чувств прибегает к средствам не прямой, опосредованной характеристики.

Роман буквально пропитан символическим контекстом, повествовательный ряд постоянно соотносится с образами произведений изобрази-

тельного искусства и архитектуры, и это позволяет автору в сжатой форме — аллюзией и соотношением — раскрыть важные пласты смысла.

Роман написан от третьего лица, но все действие протекает перед глазами главного героя романа — Ньюланда Арчера, который и является его «центральной сознанием» (термин Г. Джеймса), и только он один наделен автором внутренней речью.

Мэй Велланд — одна из самых характерных представительниц этого общества, поэтому их отношения с Ньюландом Арчером — как до, так и после свадьбы — полностью строятся на подтексте. Несмотря на то, что она — один из основных персонажей романа, количественный анализ текста показывает, что все немногочисленные сцены с ее участием — это их разговоры с Ньюландом, в которых она придерживается светских правил, а он пытается быть искренним. Присутствие Мэй в остальных сценах романа лишь обозначается автором: ее участие в застольных беседах чаще всего молчаливо, в крайнем случае, она произносит этикетные фразы для поддержания разговора, не имеющие никакого определенного значения.

Мэй можно отнести к статичным персонажам — она не меняется в ходе развития романа, причём не меняется не только внутренне, но и внешне. В первой главе перед читателем предстает юная девушка в белом, а в последней Ньюланд вспоминает о ней как о молодой женщине, которая родила троих детей, но умерла, так и не успев состариться и не заметив, что мир вокруг нее сильно изменился. Муж и дети с самого начала лицемерно делали вид, что мир вокруг не меняется, и негласно составили нечто вроде семейного заговора, решив не посвящать Мэй в текущие перемены. Другими словами, если в начале романа ее неведение оберегалось старшими, которые боялись поколебать юную невинность, то в конце романа ту же функцию выполняют ее собственные дети.

В экспозиции нам представлена молодая девушка в белом платье с букетом ландышей в руках. Белое платье и ландыши — неотъемлемые компоненты ее образа невинной девушки, создаваемого автором при помощи прилагательных (*fair, young, modest, softly, rosy as the dawn, radiant, pale, candid*), и так же, как прилагательные, эти цветы являются ее постоянным атрибутом на протяжении всего романа. Каждое утро Ньюланд посылает ей букет ландышей в качестве знака внимания, они присутствуют в большом количестве на их бракосочетании.

Первый диалог героев в романе — экспозиция их взаимоотношений; автор показывает, какими были их отношения до объявления помолвки. Такими же они останутся и после свадьбы: они прожили вместе много лет, у них родилось трое детей, но они все равно остались чужими друг другу.

Этот диалог происходит в первой же сцене в театре. Эллен Оленская — опальная кузина — сидит в одной ложе с Мэй и ее семейством, весь свет негодует, а семья старательно делает вид, что ничего необычного не происходит. Ньюланд отправляется в ложу к своей невесте, чтобы поддержать ее и продемонстрировать свету свое от-

ношение к ситуации. Характерно, что их диалог носит достаточно отвлеченный характер — о приезде Эллен Оленской ничего не сказано, они обсуждают исключительно грядущую помолвку. Но основной диалог происходит не при помощи слов, а через взгляды (*Her eyes said: "You see why Mamma brought me," and his answered: "I would not for the world have had you stay away."* [Wharton 1999: 11]). С точки зрения стороннего наблюдателя, ничего не произошло, они просто обменялись взглядами, и Ньюланд прочитал в ее взгляде то, что ожидал прочесть, а истинные мысли Мэй остались неизвестны.

В качестве иллюстрации роли подтекста в отношениях героев рассмотрим один из разговоров, состоявшийся между Ньюландом и Мэй в парке. Он пытается уговорить невесту ускорить их свадьбу, Мэй же настаивает на традиционно долгом периоде помолвки. Накануне состоялась первая встреча Ньюланда и Эллен Оленской у нее дома, и эта встреча что-то изменила в его мировоззрении. Тем же вечером, отправляя невесте традиционные ландыши, он посылает Эллен роскошный букет чайных роз.

Автор начинает их беседу с описания погоды. Изумительный день, над безлистным древесным сводом блистает лазурное небо, а внизу осколками кристаллов искрится покрывающий аллею снег. Слова, используемые автором для описания погоды, создают атмосферу сияния — *lapis lazuli, shone, crystals*. Изображение состояния природы плавно переходит в описание самой Мэй, и автор продолжает семантический ряд со значением «сиять, сверкать»: *radiance, burned, frost*. Таким образом, юная девушка настойчиво сравнивается с морозом и снегом.

Каждая из произносимых героями фраз не имеет глубокого подтекста, однако авторские комментарии раскрывают больший смысл, чем произносимые ими фразы. Мэй заводит разговор о цветах, которые он забыл вчера прислать с утра (*"It's so delicious — waking every morning to smell lilies-of-the-valley in one's room!" she said* [Wharton 1999: 52]), он понимает это как упрек и спешит оправдаться за то, что вчера они пришли позже обычного (*"Yesterday they came late. I hadn't time in the morning —"* [Wharton 1999: 52]), и она, на первый взгляд благосклонно, принимает его извинения.

Он чувствует себя прощенным и несколько расслабляется, ощущая себя «богатым и уверенным в себе» (*He... felt rich and secure enough* [Wharton 1999: 52]). Прилагательное «богатый» не имеет ничего общего с ситуацией и, на первый взгляд, кажется неуместным. С другой стороны, если в начале их встречи Ньюланд ощущал некоторый дискомфорт в связи со своим вчерашним визитом к Эллен, то теперь чувствует облегчение. Таким образом, прилагательные «богатый и уверенный в себе» становятся контекстуальными антонимами состоянию дискомфорта, а следовательно, синонимами комфортного состояния. Степень уверенности в себе определяется для людей его круга прежде всего уровнем материального благополучия. Для данного диалога эта метафора не имеет принципиального значения, но является

дополнительной характеристикой светского общества Нью-Йорка.

Следующие несколько фраз изменяют отношение Ньюланда к сложившейся ситуации. Он вдруг узнает, что Эллен ничего не сказала Мэй ни о цветах, ни о его визите, и приходит к выводу, что это их общая с Эллен тайна (*If Madame Olenska had not spoken of his visit it might seem awkward that he should. Yet not to do so gave the affair an air of mystery that he disliked* [Wharton 1999: 52]). Он начинает рассуждать, и из приведенной выше фразы можно достроить ход его рассуждений:

1) раз она ничего не сказала об этом, значит, она решила оставить его визит тайным;

2) если это тайна, то, следовательно, его визит что-то значит для нее;

3) но ведь он тоже ничего не сказал об этом;

4) значит, и для него этот визит имел определенное значение;

5) для человека, который собирается жениться, встреча с другой женщиной не может иметь никакого значения;

6) следовательно, оттенок тайны ему неприятен.

В рассуждениях героя преобладает эмоциональная сторона «я», и только однажды проявляется его общественная сторона. Другими словами, в данной ситуации Ньюланд теряет часть своего образа незаурядного молодого человека, в частности остроумие и нестандартность мышления, которые, по его собственному мнению, являются его основными качествами, и превращается в «человека общественного».

Ньюланд, казалось бы, резко меняет тему, заговаривая о помолвке, но в действительности образ Эллен стойко ассоциируется у обоих с фактом помолвки, и герой лишь продолжает ход своих прежних мыслей. Свои вопросы и ответы Мэй он начинает воспринимать по-другому, через призму воспоминаний об Эллен. В первой части их разговора автор ничего не говорит о чувствах и мыслях самого Ньюланда — их беседа, по сути, не касается чувств, это обычный светский разговор, где

никто не говорит то, что действительно имеет в виду. Как только Арчер вспоминает об Эллен и попадает под влияние тайны, возникшей между ними, теперь каждая его фраза становится искренней и наполняется смыслом. Мэй, напротив, продолжает придерживаться тона, принятого ею в начале разговора. То, что имеет для Ньюланда решающее значение, для нее — всего лишь простая беседа на не слишком приятные для нее, но вполне традиционные темы. Суть беседы сводится к следующему: он уговаривает ее ускорить помолвку, она возражает. Устав от его настойчивости, Мэй использует одно из самых страшных слов своего (а значит, и светского) словаря — «вульгарный», искренне полагая, что на этом разговор на эту тему можно считать законченным. Ньюланд же продолжает настаивать на своем и задает вопрос, неуместный в разговоре с незамужней девицей из высшего общества: он спрашивает ее, неужели она боится показаться вульгарной. После этой его фразы их разговор перестает идти по определенному сценарию, потому что Мэй ошеломлена и раздосадована его «дурным тоном». Не столько сама фраза, сколько тон, которым она была произнесена, заставляют Ньюланда замолчать, и их спор заканчивается победой Мэй, и она прекрасно осознает это, потому что ее тон меняется с возмущенного на беспечный, а противостояние Ньюланду — на восхищение им. Комплимент в его адрес основывается у нее не на собственном опыте, а на мнении Эллен, ее опыте в вопросах драгоценностей и знания парижской моды. Мэй еще не подозревает о зарождающихся у Эллен и Ньюланда отношениях и обращается к Эллен как к высшему авторитету в тех вопросах, в которых ни она, ни ее ближайшее окружение не компетентны.

В заключение для более полного и глубокого анализа текста обобщим их диалог в виде таблицы, где в левой колонке приводится действительный диалог, а в правой — то, что разговаривающие имеют в виду.

"It's so delicious — waking every morning to smell lilies-of-the-valley in one's room!" she said.	Вчера я не получила цветов утром, как обычно, они пришли поздно вечером, и я хочу знать причину.
"Yesterday they came late. I hadn't time in the morning —"	Отвечает не на то, что было сказано вслух, а на то, что подразумевалось.
"But your remembering each day to send them makes me love them so much more than if you'd given a standing order, and they came every morning on the minute, like one's music-teacher — as I know Gertrude Lefferts's did, for instance, when she and Lawrence were engaged."	Конечно, вы могли бы сделать так, как делал Лоренс Леффертс, но это не слишком бы мне понравилось, потому что не отвечает идеалу хорошего тона.
"Ah — they would!"... "When I sent your lilies yesterday afternoon I saw some rather gorgeous yellow roses and packed them off to Madame Olenska. Was that right?"	Этикетное согласие. Решает сообщить о цветах, посланных Эллен, чтобы Мэй не увидела в этом поступке тайного умысла, если случайно узнает об этом из другого источника.
"How dear of you! Anything of that kind delights her. It's odd she didn't mention it: she lunched with us today, and spoke of Mr. Beaufort's having sent her wonderful orchids, and cousin Henry van der Luyden a whole hamper of carnations from Skuytercliff. She seems so surprised to receive flowers. Don't people send them in Europe? She thinks it such a pretty custom."	Не могу сказать этого вслух, но не следовало бы так делать. Тем более странно, что Эллен ничего не сказала ей об этом.
"Oh, well, no wonder mine were overshadowed by Beaufort's," said Archer irritably. To shake off the question he began to talk of their own plans, their future, and Mrs. Welland's insistence on a long engagement.	Не может скрыть своей досады от того, что напрасно сделал это признание, поэтому почти искренен в своем раздражении. По этой же причине Ньюланд резко меняет тему разговора.
"If you call it long! Isabel Chivers and Reggie were engaged for two years; Grace and Thorley for nearly a year and a half. Why aren't we very well off as we are?"	Этикетная фраза, характерная для девушки на выданье.
"We might be much better off. We might be altogether together — we might travel."	Пытается быть искренним, но в результате получается этикетная фраза, свойственная любому молодому человеку в его положении.

"That would be lovely."	Этикетная фраза.
"As if the mere 'differently' didn't account for it!" the wooer insisted.	Продолжает настаивать.
"Newland! You're so original!" she exulted.	Этикетная фраза.
"Original! We're all as like each other as those dolls cut out of the same folded paper. We're like patterns stencilled on a wall. Can't you and I strike out for ourselves, May?"	Искреннее высказывание, произнесенное с целью эпатажа.
"Mercy — shall we elope?" she laughed.	Пытается объяснить ему невозможность того, что он просит, используя иронию.
"If you would —"	Тянет время в поисках правильного выхода их ситуации.
You DO love me, Newland! I'm so happy."	Этикетная фраза.
"But then — why not be happier?"	Настаивает на своем.
"We can't behave like people in novels, though, can we?"	Все еще пытается убедить его, вызывая к разуму.
"Why not — why not — why not?"	Настаивает на своем.
"I'm not clever enough to argue with you. But that kind of thing is rather — vulgar, isn't it?"	Находит, наконец, лучший способ закончить разговор, опираясь на принципы, в которых они были воспитаны.
"Are you so much afraid, then, of being vulgar?" She was evidently staggered by this.	Совершенно искренен.
"Of course I should hate it — so would you," she rejoined, a trifle irritably.	То же самое она ответила бы на его вопрос в присутствии матери.
"Oh, did I tell you that I showed Ellen my ring? She thinks it the most beautiful setting she ever saw. There's nothing like it in the rue de la Paix, she said. I do love you, Newland, for being so artistic!"	Меняет тему разговора с серьезной на нейтральную.

Итак, рассмотренный пример убеждает, что светские условности помогают Ньюланду скрыть истинные чувства. Диалог героев не приводит к взаимопониманию, напротив, через подтекст выявляется «дефектность» ситуации общения, провоцирующей скорее психологическое разобщение. «Иероглифы» прямой речи отнюдь не выражают сути

всей сложившейся между героями ситуации, «вытесняют» ее из зоны прямого говорения, поскольку она, с точки зрения высшего света, имеет привкус «дурного тона» и вульгарна.

ЛИТЕРАТУРА

Wharton E. The age of innocence. — Wordsworth Classic, 1999.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. Л. Селитрина